

Майя Тугужева

ШАРЛОТТА БРОНТЕ

Очерк жизни и творчества

Майя Павловна Тугушева Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34343422

Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества:

ISBN 978-5-00095-223-8

Аннотация

Жизнь Шарлотты Бронте – неустанная борьба Свободной Человеческой Личности, сумевшей житейские поражения «переплавить» в творческую победу и завоевавшей право на вечную жизнь в искусстве.

Содержание

Вступление	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Майя Павловна Тугушева Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества

© Тугушева М.П., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

* * *

Вступление

Английский романтизм вошёл в мировую литературу, осенённый гарольдовым плащом. «Веком байронизма» назвал этот литературно-исторический период английский критик А.-Л. Мортон. Это не значит, что именно с Байроном начался романтизм на английской земле. Датой его рождения считается 1798 год, когда были опубликованы «Лирические баллады» Вордсворта и Колриджа.

В известной степени романтизм был наследником общественно-политического, философского и литературного направления – Просвещения XVIII века – и одновременно реакцией на эту культурно-историческую эпоху, обещавшую человечеству «сон золотой» наяву, разумное и благоденствующее общество, в котором царят Свобода, Справедливость и Добро. Писатели-просветители ополчались на все разновидности феодально-сословного и кастового гнёта, а героем их произведений была, как правило, разумная и добродетельная личность, всегда торжествующая над неблагоприятными обстоятельствами. Подобный герой был полон высоконравственного энтузиазма, который служил ему верным компасом на пути к достойной цели. Не случайно один из персонажей «Тома Джонса, найдёныша» Г. Филдинга носил имя Олверти (Allworthy), то есть «обладающий всеми добродетелями» или даже «совершенный». Этот моральный эн-

тузиязм – некое врождённое качество, которое ведёт к конечному апофеозу добродетели даже тех положительных героев просветительского романа, которым не чужды слабости и «пороки», например, легкомысленного, но искреннего и добросердечного Тома Джонса, беззаботного гуляку. Образ Тома Джонса был преодолением однолинейности характеров, свойственной просветительскому роману, что закономерно: если философия Просвещения основывалась на идеале свободной человеческой личности, то в применении к литературе – и уже, к литературному герою, – этот идеал логически предполагал раскованность и свободу, свободу самоосуществления не только в сфере деловой, «материальной», но и в сфере чувств, порой довольно-таки заземлённых, а это никак не совмещалось со схематизмом, тезисностью образа ходячей добродетели.

То, что просветительский английский роман, сохраняя ориентацию на некий отвлечённый идеал, тяготел к индивидуализации художественного образа в сфере чувственного самовыражения, в немалой степени подготовило наступление сентиментализма в английской литературе конца 60-х годов XVIII века и последующую победу романтизма с его акцентом на Чувство – теперь, правда, чувство идеальное, возвышенное, некую «поэзию сердца». Такой акцент не означал, что романтики были противниками разума. Напротив, цель искусства, как они утверждали, не только сделать чувство чище, благороднее и выразительнее, но и просве-

тить Разум. Не отрицали романтики и других идеалов Просвещения – свободы, справедливости и добра. И не только не отрицали, они начали свою литературную деятельность с их прославления. Разве не ранние английские романтики Колридж, Вордсворт и Саути мечтали эмигрировать в Америку и там основать новое сообщество свободных, равных и добродетельных граждан, «Пантисократию»? Разве не Роберт Саути был автором поэмы «Уот Тайлер», героем которой явился вождь английского народного восстания? Однако современники Французской буржуазной революции Вордсворт, Колридж и Саути восприняли якобинский террор как свидетельство «падения» разума, а в якобинцах увидели «смутьянов», поправших законы христианского милосердия и добра, которые должны были стать основой нового общества. Жизнь личную, а также социально-политическую, следовало устраивать, по их глубокому убеждению, учитывая прежде всего законы «сердца» и Мировой гармонии, суть которой можно было постичь интуитивно, властью творческого «озарения», Божественного Воображения. Эти принципы нового литературного течения, в котором сочетались разные тенденции, в чём-то противоборствующие, а в чём-то дополняющие и объясняющие друг друга, были изложены Вордсвортом в предисловии ко второму изданию его «Лирических баллад».

С романтизмом пришла новая эра философского, нравственного и эстетического освоения и осмысления действи-

тельного мира, который в Англии повернулся к человеку особенно безотрадной и жестокой стороной. Неприятие реального, «коммерческого», «низменного», корыстолюбивого общества, рождённого Промышленной революцией, заменившей былые «патриархальные» связи хозяина и работника голым материальным «интересом», близорукое во всём, что касается человеческой души; стремление найти новую духовную опору в Сознании и Воображении, постигающих высшие красоту и истину в искусстве, которое, в свою очередь, провозглашалось средством познания Человека, Природы и всего сущего, – таковы были основы нового литературного направления, такова была миссия, принятая на себя английским романтизмом и английскими романтиками. При этом они были далеко не монолитной школой, исповедовавшей единое философское и политическое кредо. Да и в эстетике между ними были отличия. Разочарование и скепсис порой сопровождалось бунтарством, а иногда созерцательностью, отказом от решительного действия и тягой к сохранению всего того, что казалось достойным этого, – патриархальности быта, привычек, житейского уклада. Отрицание реалистических традиций романа XVIII века, «ограниченного» в своих поисках Красоты и придающего «слишком» большое значение прозаически-чувственному опыту, сочеталось у романтиков со стремлением тоже, подобно просветителям, познать «правду жизни», смысл бытия мира действительного, даже если этот мир был отнесён в прошлое

(Скотт), прикоснуться к жизни народной (понимаемой Скоттом как реальная сила исторического процесса, а Вордсвортом – как животворящий источник безыскусственных, искренних чувств). А их младший современник, Байрон, был поклонником классицистической мудрости, гонителем тех, кто поносил Разум, и в «Песне о луддитах» (1812) защищал своих отечественных «смутьянов» и «бунтовщиков», внушавших ненависть постаревшему Саути, поэту-лауреату, воспевавшему теперь не Уота Тайлера и Жанну д'Арк, но современных английских королей Ганноверской династии.

С началом XIX века романтики решительно потеснили классицистов и просветителей на книжной полке англичанина. Правда, в самые трудные дни, когда на карту ставилась судьба страны, как это было в момент угрозы наполеоновского вторжения в Англию и битвы при Трафальгаре (1805), рука англичанина чаще тянулась не к «Лирическим балладам», а к томику исторических хроник Шекспира. Творчество его было свидетельством славы минувшей и залогом будущих свершений, тем моральным фундаментом, на котором зиждилась национальная гордость англичан. Но именно с Шекспиром во втором десятилетии XIX века эту популярность стал делить романтик Джордж Гордон Байрон – новое воплощение «английского гения» и творческой силы.

Мир его неистовых, испепеляющих желаний, в котором наивысшей ценностью провозглашались свобода личности во враждебном мире, тоска по вечно недостижаемому «иде-

алу», трагедия смертельной борьбы в душе человека противоречивых, «роковых» чувств – любви и ненависти, протест против всякого рода «уз», «оков» и «плена», весь пафос небывалых, грандиозных, героических страстей в причудливом сочетании с разочарованием и мрачной «мировой скорбью», томлениями беспокойного духа – всё это неудержимо влекло к себе, и не только молодое поколение. Страсть, бунтарский порыв, горечь творчества Байрона импонировали многим – прежде всего тем, кто ощущал некое «мировое» неблагополучие, общественное неустройство, противоречие между свободой воли и жёсткой регламентированностью социального бытия, построенного на вопиющих контрастах богатства и бедности, бездушного торжества Закона и утеснения прав Личности.

В рамках английского буржуазного общества первой половины XIX века вызревали разнообразные формы противостояния несправедливости – социального, политического, идейно-эстетического, этического протеста. По своей природе этот протест был романтичен – бунтарский протест одиночки, в гордом презрении отворачивающейся от общества, не признающего её прав, и мыкающейся по свету, как байроновские Лара или Чайльд-Гарольд, в поисках того «уголка», где можно найти приют смятённым и «оскорблённым» чувствам. Такой протест был отвлечён от трезвого понимания причин и душевного, и социального неустройства, и часто – само-разрушителен: столь остро было ощущение «оскорб-

лѐнности» и желания противостоять, и так горестно предчувствие тщетности борьбы, да и самой жизни. У Байрона, правда, сильнее была ненависть ко всякого рода «утеснителям» и желание противостоять им:

Встревожен мѣртвых сон – могу ли спать?
Тираны давят мир – я ль уступлю?
Созрела жатва – мне ли медлить жать?
На ложе колкий дѣрн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поѣт труба, Ей вторит сердце...

(Перевод А. Блока)

Влияние и притягательность поэзии Байрона были так велики, что те, чьи произведения стали выходить в свет спустя пятнадцать-двадцать лет после смерти поэта, ещё испытывали воздействие его романтического наследия, хотя многое уже поблекло в образе байронического героя. В конце 30-х годов XIX века в романе «Оливер Твист» (1837–1838) Чарльз Диккенс создал почти пародию на него в лице «демонического» негодяя Монкса и саркастически отозвался о консервативных вкусах многих читателей, желавших видеть романтически приукрашенной даже самую неприглядную и часто жестокую правду жизни: «Удивительно, как отворачивается Добродетель от грязных чулок (имелись в виду «грязные чулки» проститутки Нэнси, спасительницы юного Оливера – *М.Т.*) и как порок, сочетаясь с лентами и ярким нарядом, меняет своё имя и становится романтикой», – напишет

он позднее.

Диккенс, однако, выступал не только против того, что устарело эстетически, но и против шаблонного представления о романтическом: хотя он был одним из ведущих критических реалистов своего времени, некоторые принципы романтической эстетики были нерасторжимо слиты с его реалистическим творческим методом. Такова была одна из особенностей европейского реализма XIX века – сложное сочетание некоторых элементов романтизма и реализма при определяющем и направляющем воздействии последнего.

Таков был и характер творчества Шарлотты Бронте, чей талант развивался под известным влиянием английского романтизма¹. Однако её героини уже не только романтичны в своём гордом протесте или героическом стоицизме: они же наделены достаточно трезвым пониманием окружающей социальной обстановки и не отторгают себя от общества, но требуют от него признания своих прав на свободу, счастье и творческий труд. Пуская в ход все силы незаурядной души, они стремятся отстоять своё достоинство, право на свободу чувства, не склоняя ни перед кем головы и с презрением отвергая как высокомерие и чванство, так и филантропические чувства тех, кто богаче и сильнее их. Писательница отдавала себе отчёт в том, что несчастье человека в современном мире вызвано не ударами непостижимого, коварного рока, но есть

¹ Вряд ли возможно отрицать и воздействие творчества Ж. Санд на эстетику Ш. Бронте.11

следствие конкретной социально-исторической расстановки сил. В романах Шарлотты Бронте правдиво воспроизведён дух борьбы в обществе, она заставляет усомниться в справедливости, разумности и правомочности реально сложившихся отношений между теми, кто правит, и теми, кто по своему положению должен подчиняться, но отказывается это делать. Недаром консервативный журнал «Квотерли ревью» писал после опубликования романа «Джейн Эйр» (1847):

«В книге чувствуется гордыня и настойчиво утверждают права человека, для которых мы не находим основания ни в слове Вседержителя, ни в его произволении... Мы не колеблясь заявляем, что в «Джейн Эйр» выражены те же самые взгляды и мысли, которые... питают чартизм и смуту в нашей стране»².

Влияние романтизма сказывалось и в эстетических симпатиях и антипатиях Шарлотты Бронте: ей, например, был ближе романтик Скотт, чем реалисты XVIII века, в частности, Филдинг. Её литературная терминология, когда она высказывает свои суждения о природе литературного творчества, иногда кажется позаимствованной из арсенала романтизма. Однако элементы романтизма в творчестве Шарлотты Бронте преодолевались «правдой жизни действительной». В её романах наглядно совершается движение литературного процесса, поворот к насущным проблемам и социальным

² А.-Л. Мортон. От Мэлори до Элиота. М., «Прогресс», 1970, с. 179. Пер. с англ. Г. Прохоровой. 12

конфликтам её времени, их критическому и реалистическому осмыслению.

«Я рассматриваю простые, по-детски незамысловатые добродетели правдивости и честности как основу всего возвышенного в характере человека. Говори, что думаешь, будь тем, что ты есть на самом деле, плати долги, в чём бы они ни состояли».

Р.-У. Эмерсон. Иллюзии.

Хауорт, старинный сельский пасторат в графстве Йоркшир, где жили сёстры Бронте, был основан англами задолго до норманнского нашествия – так гласит предание. Первое письменное упоминание о Хауорте относится к 1296 году, когда некий Годфри имел здесь земли «на четыре воловьих упряжки».

Сейчас Хауорт – всемирно известный городок с Мемориальным центром сестёр Бронте, который ежегодно посещают тысячи туристов. Летом здесь особенно многолюдно. По Главной улице, одолевая довольно крутой подъём, толпа взбирается к музею, и трудно представить, что двести лет назад, когда родилась Шарлотта Бронте, эта улица бывала пустынной, а Хауорт порой казался отрезанным от внешнего мира, заброшенным и глухим селением.

Что же влечёт туристов в сегодняшний Хауорт? Прежде всего миф о трёх романтических затворницах-сёстрах «не от мира сего», которых снедали смертельная болезнь и собственный талант. Может быть, поэтому бо́льшая часть по-

сетителей сначала устремляется в церковь св. Михаила, где под каменными плитами пола похоронена пасторская семья. Очевидно, для удобства обозрения плоское белое надгробие теперь вделано в стену. Скорбный перечень открывает мать, Мария Бронте. Далее следуют имена детей: Мария, Элизабет, Патрик Брэнзуэлл, Эмили Джейн, Шарлотта, и завершает его *pater familias* – его преподобие Патрик Бронте, когда-то ирландский паренёк Пэт Бранти. Энн умерла в Скарборо – там и похоронена.

Из церкви туристы обычно направляются в скромный дом пастора. Вот кабинет мистера Бронте, вот столовая с выцветшими пурпурными шторами. Над софой, где умерла Эмили, знаменитый портрет Шарлотты кисти Д. Ричмонда, над камином – портрет У. Теккерея, любимого писателя Шарлотты. Наверху – спальни. В той, где умерла Шарлотта, некоторые принадлежавшие ей вещи: серо-зелёное платье с узкой талией и широкой юбкой, неправдоподобно маленькие чёрные туфли, крошечные перчатки и чепчики. Под стеклом – миниатюрные, величиной в спичечный коробок, самодельные книжечки. Страницы исписаны мельчайшим бисерным почерком. Чтобы разглядеть буквы, нужна лупа. Это первые литературные опыты Шарлотты и Брэнзуэлла. Здесь же, на втором этаже, ещё одна маленькая спальня, бывшая детская. На стене ещё можно разглядеть еле заметные, процарапанные карандашом по извёстке, линии – всё, что осталось от детских рисунков маленьких Бронте. В этой комнатке на уз-

кой, низенькой постели иногда сидела юная Шарлотта, глядя в окно, на кладбище. Туристы смотрят туда же и настраиваются на грустный лад. Вот так – думают они – и Шарлотта с дрожью взирала на угрюмые, поросшие мхом надгробия и размышляла о бренности человеческого бытия. Забегая вперед, скажем: вряд ли всегда. Мысли её бывали порой совсем иного свойства.

Шарлотта Бронте родилась 21 апреля 1816 года. Ей исполнилось четыре, когда в 1820 году Патрик Бронте получил назначение в этот йоркширский приход и перевёз в Хаурт семью. Старшей дочери, Марии, было семь лет. Младшей, Энн, – несколько месяцев. Здесь, в Хаурте, от мучительной болезни умерла его жена.

Страдания Марии Бронте были так велики, что перед концом, к ужасу достопочтенного супруга, её стали посещать религиозные сомнения. Чтобы дети не слышали стонов больной, их отправляли гулять под присмотром Марии. Эта хрупкая девочка после смерти матери истово пыталась её заменить и даже учила сестёр грамоте. Образованием сына Брэннуэлла, надежды семьи, Патрик Бронте ведал сам.

Властный, эгоцентричный, превыше всего ценивший свой комфорт и свой покой, Бронте редко покидал гостиную, где вкушал одинокие трапезы и готовил проповеди. Иногда он выходил к детям в столовую и наблюдал их необычные игры, в которых главным действующим лицом нередко бывал герцог Веллингтон, кумир Шарлотты. Нередко они спори-

ли, кто самый доблестный из всех: «Веллингтон, Буонапарте, Ганнибал или Цезарь». Когда спор становился чересчур, по его мнению, громким, он «умиротворял» их. При этом он не мог не заметить, что дети его, пожалуй, одарённое своих сверстников. Однажды он сам снизошёл до «игры». Вот что он пишет после смерти Шарлотты её другу Элизабет Гаскелл, которая работала над её био-графией³: «Вспоминаю одно обстоятельство. Когда дети мои были совсем юны, старшей около десяти, а младшей ещё не исполнилось четырёх, полагая, что знания их обширнее, чем кажется на первый взгляд, и решив заставить их разговаривать без излишней застенчивости, я рассудил, что этого можно добиться, если они будут скрыты от постороннего взгляда. Случилось так, что в доме была маска. Я велел им по очереди встать и смело отвечать на мои вопросы под её защитой. Я начал с младшей (Энн, впоследствии Эктон Белл) и спросил, к чему стремится ребёнок её лет. «Вырасти и познать жизнь», – был ответ. Я спросил следующую (Эмили, впоследствии Эллис Белл), что мне делать с Брэнуэллом, который иногда озорничал. Она ответила: «Вразумить его, а если он не послушается голоса разума, то высечь его». Я спросил Брэнуэлла, каким образом можно постичь разницу между умственными способностями

³ Английская писательница Э. Гаскелл опубликовала в марте 1857 г. «Жизнь Шарлотты Бронте», написанную на богатом документальном материале (письма Бронте к родным, знакомым, воспоминания о ней). В книге использованы также личные впечатления Гаскелл, встречавшейся с Ш. Бронте и глубоко ценившей её как «прекрасного человека» и «талантливую автора».15

мужчины и женщины, и он ответил: «Соотнося их способности с разным строением их тела». Затем я спросил Шарлотту, какая книга лучшая в мире. «Библия», – сказала она. «А ещё?» – «Книга Природы». Я задал вопрос Элизабет, в чём состоит лучшее образование для женщины. «В умении хорошо вести хозяйство». И, наконец, я спросил у старшей (Марии), как с большей пользой употребить время. «Приуготовляясь к вечному блаженству», – ответила она.

Возможно, я не совсем точно передаю их слова, но, во всяком случае, смысл их я передал совершенно верно»⁴.

Как все дети протестантов, маленькие Бронте изоощряли свой пытливый ум на схоластических премудростях Катехизиса, построенного по принципу вопросов и ответов.

Девочки читали, однако, не только Катехизис, но и газеты и литературные журналы «Эдинбург ревью» и «Блэквудс мэгэзин», которые выписывал отец. По убеждениям Патрик Бронте был непримиримым тори. Известно, что в своё время он очень неодобрительно отнёсся к движению луддитов, почему рабочие прихода недолюбливали своего духовного пастыря. Может быть, поэтому он всю жизнь носил оружие, чтобы в любую минуту оказать сопротивление, если потребуется. Такой необходимости ни разу не возникло, но оружие всё-таки иногда применялось. Чувствуя раздражение, преподобный Бронте удалялся во двор и разряжал пистолет в воз-

⁴ Elizabeth Gaskell. The Life of Charlotte Brontë, v. I. L., Penguin Books, 1977, p. 94–95.16

дух. Детей в семье держали строго, никогда не оказывая по-
блажек плоти. Пища их была самая спартанская, одеты они
были всегда в тёмное. Однажды Патрик Бронте сжёг их са-
пожки – по причине слишком яркого цвета. Нрав Патрика
Бронте был непокорный. Он держался гордо и отчуждённо –
в первую очередь с окрестными богачами. Его дочери, Шар-
лотта и Эмили, унаследовали этот непокорный дух.

Хотя семья пастора жила довольно замкнуто и узок был
круг её знакомых, бурлящий социальными антагонизмами
мир был рядом. Хауорт находился в четырёх милях от го-
родка Кихли, где воздух был тускл от дыма фабричных труб.
То, что происходило вокруг, не могло не волновать малень-
кую Шарлотту, – например, жестокая эксплуатация детей на
ткацких фабриках Йоркшира, о чём она могла прочитать
в газетах. Сёстры с нетерпением ожидали газет. Даже пре-
данная нездешним помыслам Мария внимательно следила
за парламентскими распрями. У детей была прекрасная па-
мять, все они действительно были одарённые, – отец на этот
счёт не заблуждался.

Тем более Патрика Бронте беспокоило будущее дочерей.
Что, если они не выйдут замуж? Как и на что они станут
жить? Наследственных средств к существованию у них не
будет: да и какое наследство мог оставить бедный сельский
пастор с небольшим доходом (сто семьдесят фунтов в год)
пяти дочерям? Значит, надо дать им образование, чтобы они
в случае необходимости могли служить гувернантками или

учительницами. Он был рад узнать, что неподалёку, в Коуэн-Бридж, для дочерей лиц духовного звания открывается недорогая школа с полным пансионом. Летом 1824 года туда уезжают Мария и Элизабет. Несколько недель спустя – восьмилетняя Шарлотта, а затем Эмили. Как всех поступающих, девочек экзаменовали. Из заключения школьного совета следовало, что Шарлотта Бронте «очень умна для своего возраста».

Пребывание в Коуэн-Бридж стало тяжким испытанием для Шарлотты. Здесь было очень голодно и холодно. Здесь она впервые вкусила горечь беспомощности. На её глазах садистски мучили Марию, которая раздражала воспитательницу своей рассеянностью, неаккуратностью и безропотностью. Однажды больную сестру заставили подняться с постели, а когда она с трудом добралась до столовой, её за опоздание лишили завтрака.

Изошрённая, тираническая жестокость и скоротечная чахотка быстро вели к трагическому концу. В феврале Марию отправили домой, в мае она умерла. А затем настала очередь Элизабет, тоже очень слабым здоровьем.

Директор Коуэн-Бридж, Уилсон, человек чёрствый и лицемерный, полагал, между прочим, что ранняя смерть – самое лучшее, что может выпасть на долю ребёнка: тогда безгрешным ангелом предстанет он перед Всевышним. Уилсон иногда сочинял сентиментальные вирши на эту тему, но даже на его взгляд девочки Бронте чересчур уж спешили вку-

сильнейшее райское блаженство, что угрожало репутации школы. Поэтому Элизабет срочно отослала умирать домой, а вслед за ней, как бы чего не вышло, Шарлотту и Эмили.

Всё это время Патрик Бронте искал новую хозяйку дома. Он сделал два или три брачных предложения, но был отвергнут. Пришлось выписать на постоянное жительство свояченицу, мисс Брэнгуэлл. Ей отдали бразды правления в доме и доверили религиозное воспитание детей.

Теперь их было три сестры, но как-то так получилось, что Эмили и Энн образовали свой особый, «двойственный» союз, а Шарлотте стал ближе Брэнгуэлл. Они вместе начали издавать домашний «Журнал для молодых людей», черпая вдохновение в «Блэквудс мэгэзин». Проблема же образования дочерей для Патрика Бронте оставалась нерешённой, но теперь он был осмотрительнее и желал отдать Шарлотту, оказавшуюся старшей из сестёр, в более гуманное учебное заведение. Такой была Роухедская школа сестёр Вулер. Плату за обучение здесь взимали немалую, но на помощь пришла крёстная Шарлотты, и скрепя сердце крестница уехала в Роухед (1832).

Глава школы, Маргарет Вулер, была женщиной честной и доброй. В её школе никого не морили голодом и усердно учили тому необходимому, что требовалось в 30-е годы XIX века от гувернантки, то есть, кроме грамматики и арифметики, изящному рукоделию, рисованию и французскому языку. Сверстницам Шарлотта казалась странной девочкой.

Одна из них впоследствии писала Элизабет Гаскелл: «Впервые я увидела её, когда она выходила из фургона (доставившего её из Хауорта. — *М.Т.*), одетую очень старомодно, совсем замёрзшую и несчастную... Когда она пришла в класс, на ней было другое платье, но такое же поношенное, как первое. Она была так близорука, что казалось, будто всё время ищет чего-то, склоняя голову набок, и поэтому смахивала на маленькую старушку. Она была очень застенчива и нервна и говорила с сильным ирландским акцентом. Когда ей дали книгу, она так низко нагнулась, что почти коснулась страницы носом, а когда ей велели поднять голову, книга, словно пришитая, тоже взлетела, так что нельзя было удержаться от смеха»⁵.

Однако это не мешало относиться к молчаливой и необщительной Шарлотте с большим уважением, потому что она казалась воплощением трудолюбия и чувства долга. Она трудилась как одержимая: ей предстояло в короткий срок многое узнать, чтобы потом учить сестёр и чужих детей. Скоро она стала первой ученицей в школе, но и тогда в ней не прибавилось общительности. Она трудно сходилась с людьми. Всё же в Роухедской школе она приобрела двух друзей, и на всю жизнь. То были порывистая, откровенная, смелая Мери Тэйлор (это она вспоминает в письме к Гаскелл о первой встрече с Шарлоттой) и спокойная, рассудительная, набож-

⁵ J. Wise and J. A. Symington eds. *The Brontës: Their Lives, Friendships and Correspondence*, v. I. Oxford, 1932, p. 89.19

ная Эллен Насси. В Мери пленяли абсолютная честность и прямота: «Знаешь, по-моему, ты очень некрасива», – сказала однажды Мери Шарлотте. Когда впоследствии ей вздумалось извиниться за эту «бестактность», Шарлотта успокоила: «Ты мне оказала большую услугу, так что не раскаивайся...»

В Роухедской школе Шарлотта провела полтора года и узнала всё, что могли преподать сёстры Вулер. Дома же её ждали Эмили и Энн, всегда готовые учиться, когда не пребывали в своей воображаемой, фантастической стране Гондал. Шарлотта и Брэнуэлл тоже обрели страну грёз, Ангрию, где совершал геройские и даже преступные деяния своенравный, жестокий и обольстительный герцог Заморна. Ожидая, пока потребуются её услуги гувернантки, Шарлотта приняла самое деятельное участие в его судьбе. Брэнуэллу она доверила войны герцога, её же больше занимали сложные отношения, которые складывались у Заморны с женой из-за его любовных историй.

Романтическая фигура Заморны возникла в юношеских сочинениях Шарлотты и Брэнуэлла не случайно. Их первые литературные опыты создавались под особо осязаемым влиянием поэзии Байрона. Корсар, Лара, Гяур – их черты сливаются в Заморне: он вероломен и благороден, коварен, умён и непостижимо обаятелен. Жизнь Заморны – кипение необузданных, незаконных страстей, которые он во что бы то ни стало стремится утолить.

Был и другой властитель романтического воображения

брата и сестры – Наполеон. Политически одиозная фигура, враг, над которым одержал победу герцог Веллингтон, тоже был осиян блеском поэтического величия. «Корсиканское чудовище» очень напоминало мятежных, безбожных «байронических» героев: смел, умён и безрассуден, готов принести в жертву своим «роковым» страстям благополучие и близких, и всего мира. Таков был и Заморна. Поэтому, сидя в маленькой спальне и глядя в окно, в которое теперь подолгу смотрят туристы, Шарлотта порой была далеко, в мире ярких страстей и вряд ли тогда видела унылое кладбище. Она сама иногда не знала, что реальнее: однообразная повседневность Хауорта или бурные события, совершавшиеся в её фантастической Англии. «Мало кто поверит, – запишет она в дневнике, – что воображаемая радость может доставить столько счастья».

Её Заморну любят прекрасные женщины, но порой они ему неверны, и тогда он упрекает изменницу «громовым голосом», а в его «яростных чёрных глазах сверкают все молнии ревности»⁶.

Большой радостью была также переписка с Мери и Эллен. Эллен сохранила почти все письма Шарлотты. Мери почти все уничтожила. Эллен происходила из торийской семьи. Мери – из семьи радикалов. С ней Шарлотта была откровеннее, а письма к Эллен, как правило, нежнее и покровительственнее. Шарлотта всегда руководила чтением Эллен,

⁶ Wise and Symington, v. I, p. 118.21

например, рекомендовала ей Байрона и Шекспира. Правда, Байрона без «Дон-Жуана», а Шекспира без комедий: наверное, боялась, как бы Эллен не шокировали некоторые «вольности», и радовалась, что Эллен нравился роман В. Скотта «Кенильворт».

В это время Шарлотта много рисует – пожалуй, не меньше, чем Брэнзуэлл, который мечтает стать профессиональным художником. Юноша он был самолюбивый и придерживался высокого мнения о своих способностях, возможно, недооценивая сестёр. Шарлотта относилась к этому чувству превосходства иронически, о чём свидетельствует юмористический фрагмент «Ангрия и мои ангрианцы», где под именем Патрика Бенджамина Уиггинса выведен её дорогой брат и любимец отца. Напыщенный и, надо сказать, глуповатый, Патрик так отзывается о своих сёстрах:

«— Есть создания, которые набиваются мне в родню, некие три девицы. Им выпала честь называть меня братом, но я отрицаю их право быть моими сёстрами.

– А как зовут ваших сестёр?

– Шарлотта Уиггинс, Джейн Уиггинс и Энн Уиггинс. – Они такие же странные, как вы?

– О, да они просто глупые создания, о которых не стоит много говорить. Шарлотте восемнадцать, она низенькая и коренастая, мне до локтя. Джейн – шестнадцать, она высокая и тощая, лицо у неё с кулачок, а Энн – ну просто ничто, абсолютное ничто.

- Да не может быть! Неужели она дурочка?
- Да вроде того.
- Хм, ну и семейка у вас»⁷.

Всё это были весёлые литературные игры, и Шарлотта с наслаждением им предавалась. А затем пришло письмо от мисс Вулер. Она предлагала Шарлотте место помощницы в своей школе и, в счёт части жалованья, обучение Эмили. Шарлотта согласилась. Из-за Эмили: ей тоже надо было думать о будущем; из-за Брэнуэлла, которого отец и тётка решили отправить в Королевскую академию художеств учиться живописи, жалованье Шарлотты и тут могло пригодиться, – и, сетуя в письме к Эллен на Долг и Необходимость, «суровых владык, которых человеку нельзя слушаться»⁸, Шарлотта готовится к отъезду.

В июле 1834 года две сестры Бронте уезжают в Роухед, и там начинается для Шарлотты страда гувернантки. Она была занята с семи утра до одиннадцати вечера, а вознаграждение было очень скудным. После уплаты за Эмили почти ничего не оставалось. Очень беспокоила сама Эмили. Она не способна была существовать без Хауорта, где в любое время могла сорваться в долгую прогулку по вересковым холмам. Строгий распорядок дня действовал на неё угнетающе. В конце концов пришлось отправить Эмили домой, а её ме-

⁷ Margot Peters. *Unquiet Soul. The Biography of Charlotte Brontë*, Garden City, Doubleday, 1975, p. 13.

⁸ Wise and Symington, v. I, p. 129–130.22

сто заняла Энн, которая стала в школе всеобщей любимицей.

У самой же Шарлотты было такое чувство, словно она попала в ловушку. Она тосковала по Англии и Заморне, о которых и думать было некогда, не то что сочинять. Она доблестно исполняла свой долг, но понимала: надолго её не хватит. Идеальное представление о самоотверженной викторианской девушке требовало безоговорочной жертвенности во всём, что касалось семьи. Такова, например, была Эллен Насси, которой, правда, не приходилось работать по найму, «но *я не такая*, – пишет Шарлотта Бронте Эллен. – Если бы ты знала мои мысли, мои мечты, что меня поглощают всецело, и яростное воображение, которое иногда просто пожирает меня и заставляет думать, что общество, какое оно есть, невозможно скучно и бесцветно, ты бы меня пожалела, а может быть, стала презирать»⁹. Любопытно отметить, как типично для романтического мироощущения именно это чувство своей обособленности, чуждости всем прочим, своей противопоставленности «обществу», своей «самоличности», порабощённой, но бунтующей и несчастной. Она пишет Эллен о «мрачной подавленности» и «неуверенности», ей кажется, что жизнь кончена, во всяком случае, то, что будет, – будет безрадостно; пишет, что мечтает о «примирении с Богом», пытается применить к окружающим и не дать заметить особенности своей натуры, но за нарочитой сдержанностью следует взрыв, о чём она потом горько сожалеет.

⁹ Wise and Symington, v. I, p. 129–130.23

Пока она изнемогала над тетрадками, Брэнуэлл всё же попытал судьбу. С рекомендательными письмами и немалой суммой денег, которую вручили ему тётка и отец, он отправился в Лондон. И тут произошла непонятная история. То ли деловая и равнодушная столица произвела на юношу из захолустья обескураживающее впечатление, лишив его решимости действовать, то ли он не был уверен, что из него получится настоящий художник, то ли внезапно заболел (а по мнению некоторых брентоведов, он с детства страдал эпилепсией), только Брэнуэлл в Лондоне никуда не пошёл, деньги растратил и вернулся с красочным рассказом о том, что его обокрали. С этим надо смириться, убеждал он домашних. Может быть, это и к лучшему, потому что истинное его призвание – быть не художником, а литератором. А раз так, то почему бы редактору прославленного «Блэквудс мэгэзин» не взять его в штат своего журнала вместо умершего сотрудника? И с наивной самоуверенностью провинциала Брэнуэлл Бронте предлагает свое перо по той причине, что он талантлив, оригинален и может оказать мистеру Блэквуду услуги неоценимые. Вполне вероятно, Брэнуэлл мог бы стать заметным литератором, но он не знал психологии издателей солидных журналов. Ответом было презрительное молчание, хотя письмо, очевидно, ради курьёза, сохранили.

Шарлотта оказалась счастливее в переписке с сильными литературного мира. Приехав в Хаурт на рождественские каникулы 1836 года, она послала письмо поэту-лауреату, чьё

имя, привычно для слуха, завершало звонкий триумф – Колридж, Вордсворт, Саути – поэтов «Озёрной школы». Скромно и почтительно Шарлотта спрашивала о возможности стать профессиональной писательницей и посылала свои стихотворения. Лауреат ответил. Он руководствовался благой целью – наставить на путь истинный молодую девушку, которая, очевидно, желает литературной славы. «Праздные мечтания, в которых вы ежедневно пребываете, способны нарушить покой вашего ума, и, поскольку обычные дела покажутся вам пошлыми и никчемными, вы почувствуете себя неспособной к их исполнению, не сумев стать пригодной к чему-нибудь ещё. Литература не может быть уделом женщины и не должна им быть. Чем больше женщина занята собственными ей обязанностями, тем меньше у неё остаётся досуга для литературы, даже если это занятие второстепенное или просто развлечение. Жизнь ещё не призвала вас к исполнению этих обязанностей, а когда это свершится, вам не захочется мечтать об известности»¹⁰.

Однако стихи, присланные Шарлоттой, произвели неплохое впечатление, потому что Саути «разрешает»: «Пишите стихи ради них самих, без излишней гордыни, не рассчитывая на славу. Тогда это занятие не повредит ни сердцу вашему, ни уму»¹¹.

Роберт Саути искренне желал своей корреспондентке

¹⁰ E. Gaskell, v. I, p. 172.

¹¹ Там же, p. 173.

добра (как он его понимал, когда дело касалось женщины) и выражал надежду, что она ещё будет признательна за вовремя поданный разумный совет, хотя сейчас она и почувствует некоторое разочарование.

Шарлотта осмелилась ответить, опять в высшей степени почтительно и в то же время с еле заметной иронией. Она и не помышляет о том, чтобы пренебречь «своими реальными обязанностями ради удовольствия, которое доставляет игра воображения, ради творчества, из любви к славе или ради эгоистического самоутверждения»¹². Да и может ли она позволить себе такую роскошь? Её отец – пастор с очень ограниченными средствами. Её долг – работать. Она получила образование гувернантки. Это, очевидно, и есть дело её жизни. У неё достаточно забот по дому, чтобы не предаваться праздным мечтам.

Однако (тут Шарлотта словно просит о сочувствии) «по временам, сознаюсь, я не могу не думать, но я никогда не тревожу остальных своими думами. Я делаю всё, чтобы не казаться занятой своими мыслями или непохожей на других и не дать окружающим усомниться в характере моих устремлений. Следуя советам моего отца, который с детства наставлял меня в том же мудром и доброжелательном духе, что пронизывает ваше письмо, я всегда старалась исполнять все обязанности, что подобают женщине, исполнять не только добросовестно, но чувствуя к ним искренний интерес. Это

¹² Там же, р. 174.25

мне удастся не всегда. Часто, когда я учу или шью, я бы с большим удовольствием читала или писала, но я отказываю себе в этом, и одобрение отца служит мне достаточной наградой»¹³. Она благодарит знаменитого поэта, она уверена, что никогда больше не возмечтает увидеть свое имя в печати, «а если такое желание возникнет, я взгляну на письмо Саути и подавлю это желание»¹⁴.

Получив её ответ, лауреат с чувством исполненного долга пишет знакомой, что охладил пыл одной «бедной девицы»: «Кажется, она старшая дочь пастора, получила хорошее образование и похвально трудится гувернанткой в какой-то семье. Тогда же, когда пришло от неё письмо, её брат написал Вордсворту, внушив ему отвращение своей грубой лестью и поношением других поэтов, в частности меня. Сестра же, судя по второму письму, хорошая девушка и, возможно, будет поминать меня добром всю жизнь»¹⁵. По счастью, Шарлотта Бронте не последовала совету Саути. Его нравоучительное письмо должно было глубоко задеть её, и прежде всего утверждением, что литература – не женское дело. У неё на этот счёт складывалось другое мнение.

В том, что Шарлотта отвергла совет Саути, сказалась та противоречивость её натуры и общего мировосприятия, которую А. Мортон определил как «пограничное» состояние

¹³ E. Gaskell, v. I, p. 175.

¹⁴ Там же, p. 175.

¹⁵ Там же, p. 175.26

её ума и таланта. Он выводил его из «пограничной» жизненной ситуации, в которой оказалась Шарлотта в Хауорте¹⁶. Да, сразу за домом начиналась вересковая пустошь, но сам Хауорт был селением, расположенным в промышленном Йоркшире. Шарлотта, как о том говорит её ангрианская сага, находилась во власти литературных идеалов романтизма, но она жила в реальном мире, который настойчиво вторгался в страну байронических грёз. Реальная действительность (скромный быт, тяжёлый подневольный труд) требовала реального же, трезвого её осмысления. Однако удивительное это было сочетание: пылкое воображение и умение трезво судить, постоянно спорившие друг с другом. Взять хотя бы отношение Шарлотты к религии.

В роухедский период жизни, уже гувернанткой, она переживает натиск религиозной меланхолии, чему способствовало ощущение постоянного одиночества. Она сокрушается о греховности своих помыслов и недостаточной твёрдости веры (сказывается суровый ригоризм тетушки Брэнуэлл, которая придерживалась кальвинизма), но её пытливый ум не желает безропотно принимать мрачную кальвинистскую догму предопределения, по которой спасутся только избранные. Ведь если так, если хороший, добрый человек обречён на вечную погибель лишь потому, что ему не посчастливилось быть Божьим избранником, то не слабее ли добро зла и в чём же тогда смысл веры?

¹⁶ А.-Л. Мортон. От Мэлори до Элиота. М., «Прогресс», 1970, с. 175.27

Но в сетованиях о греховности помыслов, вполне искренних, чувствуется элемент некоторого преувеличения и самолюбования: Шарлотте нравится «мятежность» её чувств, нравится, что она такова, как есть. Она иногда «боится себя», но не собирается от себя отрекаться: ведь это было бы просто лицемерием и ханжеством – раскаиваться в том, что природа наделила её страстями, умом и талантом. «Если кальвинистская доктрина справедлива, – пишет она Эллен, – то я уже в числе отверженных. Ты и представить не можешь, как мои чувства мятежны и насколько они неподатливы. Когда я углубляюсь в анализ этой проблемы, я начинаю кошунствовать, становлюсь чуть ли не атеисткой в своих чувствах»¹⁷.

Такие признания сопровождаются обычно просьбами «не покидать её» и «не ужасаться».

Неровно складывались отношения Шарлотты с мисс Вулер. Камнем преткновения было здоровье Энн. Вдруг та стала чахнуть, Шарлотта – всё больше беспокоиться, а мисс Вулер как бы не замечала ни бледности Энн, ни лихорадочных пятен на её щеках. Тем временем пансион перебрался в Дюсбери-Мур – местность болотистую и сырую, но всего в пятнадцати милях от Хаурта. Соблазн всё бросить и бежать домой возрос неимоверно. Шарлотта почти поссорилась с мисс Вулер, но поставила на своём, Энн отправили до-

¹⁷ «The Brontë Letters». Selected and with an Introduction by Muriel Spark. L., Nevill, 1954, p. 58.28

мой, сама же, отвезя сестру, она вернулась в Дьюсбери-Мур, снова впряглась в опостылевшую лямку учительницы-няньки и работала с утра до ночи, пока её собственное здоровье не ухудшилось настолько, что врач предписал обязательную перемену обстановки. Шарлотта Бронте с радостью подчинилась.

Она вернулась в Хауорт, но не в Ангрию. Ей было двадцать два года. За плечами появился маленький житейский опыт. Заморне с его авантюрами уже не удавалось, как прежде, владеть всеми её помыслами. В одном, правда, она останется ему верной: её будущий избранник должен на него походить. Она сама это, наверное, поняла, неожиданно получив письмо от брата Эллен, Генри. Окончив Кембридж и получив место помощника священника, Генри решил, что ему надо жениться, а жену взять такую, которая могла бы учить детей прихожан в церковной школе. Шарлотта Бронте, на его взгляд, вполне подходила для этой двойной роли – быть его женой и школьной учительницей. Но Шарлотта Бронте отказала ему. Уж очень прозаичен казался ей Генри Насси. И не прельщала её несколько тусклая доля супруги священника. Но главное – Генри совсем не знал ту, на ком хотел жениться. Её отказ – пишет она Генри – продиктован «велением совести». «Я не испытываю личного отвращения к идее союза с вами, но я уверена, что по складу своего характера не могу составить счастье такого человека, как вы». А далее следует интересный «антипортрет» Шарлотты Бронте. «У меня

всегда была привычка изучать характеры людей, с которыми меня сводила жизнь, поэтому, полагаю, мне известен ваш, и я могу представить, какая женщина подошла бы вам в жёны. Характер её не должен быть ярко выражен, страстен, оригинален, её нрав должен быть мягким, религиозность не знающей сомнений, настроение ровным и весёлым и внешняя привлекательность такова, чтобы вы смотрели на неё с чувством радости и удовлетворения» (5/III, 1836)¹⁸

¹⁸ «Letters», p. 72.29

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.